

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 81**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 81 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-458-04729-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04729-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ воспоминаній о кн. С. Н. Трубецкомъ.

Я познакомился съ кн. С. Н. Трубецкимъ сравнительно недавно, всего 4—5 лѣтъ тому назадъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы стали знакомы, я встрѣчался съ нимъ очень часто, главнымъ образомъ въ связи съ университетскими дѣлами. По многимъ существеннымъ вопросамъ мы съ Сергѣемъ Николаевичемъ кореннымъ образомъ расходились, и общій складъ нашего міросозерцанія былъ иной. Мы были разные люди и по темпераменту, и по характеру. Тѣмъ не менѣе, когда наши общіе друзья послѣ 27 августа намѣтили Сергѣя Николаевича кандидатомъ въ ректоры Московскаго университета, а меня въ помощники ректора, то я, не колеблясь ни минуты, изъявилъ на это свое согласіе. Несмотря на наши разнорѣчія съ Сергѣемъ Николаевичемъ я не только уважалъ его, но и питалъ къ нему искреннюю и глубокую привязанность. Иногда, смотря на него, я думалъ: вотъ человѣкъ, съ которымъ можно расходиться, но котораго нельзя не любить. Его необыкновенная искренность и душевная красота манили къ нему и заставляли любить его; другого слова я не подберу для опредѣленія того чувства, которое Сергѣй Николаевичъ вызывалъ въ окружающихъ.

На Сергѣя Николаевича можно было сердиться. Его впечатлительность нерѣдко дѣлала его неустойчивымъ. Случалось, что подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ какого-нибудь факта, разговора онъ увлекался мыслью, совсѣмъ не соотвѣтствовавшей основному складу его идей, и начиналъ

горячо и упрямо защищать ее. Бывало иногда досадно слушать его. И какъ разъ въ такія минуты досады я всегда невольно думалъ: этого человѣка нельзя не любить.

Обаяніе Сергѣя Николаевича было велико. Я нѣсколько разъ бывалъ свидѣтелемъ того, какъ онъ располагалъ въ свою пользу аудиторію, состоявшую почти исключительно изъ людей, настроенныхъ противъ него. Ему горячо аплодировали тѣ, которые шли шикать ему. Тайна его вліянія заключалась въ даровитости и чистотѣ его натуры.

Такимъ я зналъ Сергѣя Николаевича до его ректорства. Но въ тѣ 27 дней, которые онъ пробылъ ректоромъ, я глубже узналъ нѣкоторыя черты его характера, раньше ускользавшія отъ меня. Я узналъ его какъ человѣка твердой воли, необыкновенно настойчиваго въ слѣдованіи по разъ избранному пути. Дѣятельность Сергѣя Николаевича въ качествѣ ректора отмѣчена рѣдкой опредѣленностью и неуклоннымъ проведеніемъ принятаго курса. Онъ высказалъ свою точку зрѣнія на положеніе и задачи университета въ первой же своей рѣчи послѣ избранія его въ Совѣтъ и до послѣдняго дня проводилъ эту точку зрѣнія въ своей дѣятельности. Въ самые трудные моменты Сергѣй Николаевичъ остался непреклоненъ въ своихъ взглядахъ.

Цѣльность его натуры обнаружилась въ полной силѣ на отвѣтственномъ посту, который ему выпало на долю занять. Въ трудныхъ, тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ оказался университетъ осенью 1905 г., Сергѣй Николаевичъ проложилъ путь для яснаго и опредѣленнаго взгляда на роль университета и его отношеніе къ политическому движенію, охватившему Россію.

Самъ—общественный дѣятель и участникъ политической борьбы—онъ былъ убѣжденнымъ и горячимъ до страстности противникомъ вовлеченія университета въ политику. Онъ видѣлъ въ этомъ гибель университета, который любилъ всею глубиною своей души, и такъ скорбѣлъ о событіяхъ, мѣшавшихъ правильному теченію академической жизни, какъ скорбятъ о несчастіи, постигшемъ любимое

существо. Университетъ былъ для него любимымъ существомъ, и никакіе доводы не могли бы убѣдить его, будто онъ долженъ былъ во вниманіе къ историческому моменту примириться съ тѣмъ, что онъ считалъ непримиримымъ съ самымъ существомъ университета, какъ храма науки, что не только противорѣчило его убѣжденіямъ, но было невыносимо для его чувства и поэтому вызывало въ немъ глубокое страданіе, почти физическую боль. Трудно иначе охарактеризовать состояніе Сергѣя Николаевича въ тотъ памятный вечеръ, въ сентябрѣ прошлаго года, когда въ юридическомъ корпусѣ состоялся первый политическій митингъ, привлекшій въ университетскія аудиторіи тысячи людей со всѣхъ концовъ Москвы. Сергѣй Николаевичъ не былъ тогда ни гнѣвенъ, ни раздраженъ; онъ страдалъ. Съ того вечера онъ не переставалъ страдать до конца.

Положеніе университета стало для него источникомъ невыносимыхъ нравственныхъ мукъ. Онъ сразу подался физически. Болѣзненный процессъ, совершавшійся въ его организмѣ, видимо, сдѣлалъ страшный скачокъ впередъ. Настроеніе и видъ Сергѣя Николаевича внушали смутныя ожиданія чего-то страшнаго. Это чувство овладѣло окружающими его въ послѣдніе дни и выразилось въ словахъ одного изъ университетскихъ товарищей Сергѣя Николаевича при прощаніи съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ Петербургъ. „Я чувствую,—вырвалось у этого товарища,—что мы идемъ къ катастрофѣ“. Но говорившій, какъ и всѣ присутствовавшіе, далекъ былъ отъ мысли, *какая* катастрофа насъ ожидала. Сергѣю Николаевичу оставалось жить немногимъ болѣе сутокъ.

А. Мануиловъ.

Памяти князя Сергѣя Николаевича Трубецкаго.

Онъ умеръ во всемъ блескѣ своей духовной красоты, въ пышномъ расцвѣтѣ своей славы, оплакиваемый всей страной, сопровождаемый глубокой скорбью русскаго народа. Тысячи писемъ и телеграммъ непрерывною чередою приходили отовсюду въ Москву съ трогательными словами горячаго участія и неподдѣльнаго горя. Со всѣхъ концовъ Россіи спѣшили сказать, какъ мучительно больно чувствуютъ тягость этой утраты. Въ этой неутѣшной и всеобщей скорби чувствовался національный трауръ, обнаруживалось всенародное признаніе его личности. Его смерть открыла и показала, чѣмъ онъ сталъ для Россіи и какъ онъ былъ для нея дорогъ.

Тѣ, кто знали Трубецкаго ранѣе, едва ли и за годъ до его кончины предполагали, что онъ стоитъ наканунѣ своей всенародной славы, что онъ умретъ національнымъ героемъ. Конечно, онъ былъ превосходнымъ профессоромъ, первокласснымъ ученымъ, глубокимъ мыслителемъ. Но эти качества пріобрѣтаютъ признаніе лишь въ тѣсномъ кругу читателей и учениковъ. Блестящій публицистическій талантъ значительно расширилъ ряды его поклонниковъ и доставилъ ему громкую извѣстность горячаго и мощнаго борца за свободу. Но всѣ эти заслуги и дѣла далеко не объясняютъ того всеобщаго, всероссійскаго признанія, которое такъ ярко обнаружилось въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и сопровождало память о немъ послѣ его смерти. Для того, чтобы стать излюбленнымъ вождемъ народнымъ, нужны

были особыя свойства личности: глубокая вѣра въ будущее, прозрачная ясность и чарующая искренность свѣтлой души, высокое нравственное воодушевленіе; и нужно было, чтобы эти свойства проявились въ яркомъ подвигѣ вѣры и любви въ тяжкій часъ испытанія Россіи.

Все бушевало вокругъ; въ тяжеломъ процессѣ страшныхъ мукъ и страданій рождалась новая Россія. Вражду и злобу борющихся силъ, полный хаосъ неопредѣленности, въ которомъ, казалось, готовы были погибнуть всѣ надежды на лучший исходъ, — вотъ что видѣлъ передъ собою Сергій Николаевичъ, и этой борьбѣ враждебныхъ стихій онъ противопоставилъ свой призывъ къ примиренію и согласію.

Какъ глубоко нужно было вѣрить въ силу нравственного убѣжденія, въ силу всепокоряющей правды, чтобы и другихъ заставить повѣрить въ возможность общаго примиренія! Предъ вѣковыми ступенями трона и предъ бушующей стихіей народной, предъ лицомъ прошлаго и въ предвидѣніи будущаго Трубецкой умѣлъ говорить съ такой мощной силой нравственнаго одушевленія, что сомнѣнія смолкали, и кроткое сіяніе вѣчной правды сходило въ примиренныя сердца.

Намъ припоминается рѣчь его послѣ избранія въ ректоры. Взволнованный и блѣдный, но съ увлекательной силой истиннаго краснорѣчія онъ призывалъ своихъ товарищей сплотиться и вѣрить въ свое дѣло, вѣрить въ молодежь. „Положеніе въ высшей степени трудное, но оно не безнадежное,—говорилъ онъ. Мы должны вѣрить въ то дѣло, которому служимъ. Мы отстоимъ университетъ, если мы сплотимся. Чего бояться намъ? Университетъ одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи. Неужели бояться намъ общества, нашей молодежи? Вѣдь не останутся же они слѣпыми къ торжеству свѣтлаго начала въ университетѣ. Правда, все бушуетъ вокругъ, волны захлестываютъ; мы ждемъ, чтобы онъ успокоился. Мы можемъ пожелать, чтобы разумныя требованія русскаго общества получили

удовлетвореніе съ такою же полнотою, съ какою были удовлетворены требованія совѣтовъ. Будемъ вѣрить въ наше дѣло и въ нашу молодежь“.

Громъ несмолкаемыхъ рукоплесканій, совершенно необычныхъ въ дѣловыхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ, былъ ему отвѣтомъ. Всѣ были потрясены до глубины души, подходили къ нему, чтобы поблагодарить, пожать руку и сказать, что вѣрятъ, какъ и онъ, въ свѣтлые дни университета, въ силу товарищеской солидарности и любви къ молодежи.

Но то, что говорилъ онъ объ университетѣ, не думалъ ли онъ, не говорилъ ли онъ обо всей Россіи? И развѣ онъ не имѣлъ основаній такъ думать и говорить? Ни для кого не тайна, что требованія университетовъ были удовлетворены только благодаря его нравственному вліянію. По невѣроятному стеченію обстоятельствъ, тотъ самый министръ, который собирался осенью уничтожить высшую школу, провелъ временныя правила о расширеніи ея правъ, и это совершилось черезъ Трубецкого, въ тотъ моментъ, когда ожидали полного разгрома русскихъ университетовъ. Какъ же могъ онъ не вѣрить въ силу свѣтлаго начала по отношенію ко всей Россіи? И тутъ онъ вѣрилъ, что общее примиреніе возможно, и другіе вѣрили вслѣдъ за нимъ. Вѣрили въ то, что онъ найдетъ и скажетъ такія слова, которыя всѣхъ убѣдятъ, предъ которыми смирится и всемогущая власть, и бушующая народная стихія, какъ предъ словами добраго генія, посланника правды, мира и любви.

Добрый геній, свѣтлый духъ мира—вотъ чѣмъ былъ для насъ Трубецкой. Наканунѣ окончательной схватки враждующихъ началъ, когда вся Россія должна была подняться противъ темныхъ силъ прошлаго, онъ заставилъ всѣхъ повѣрить, что есть еще мирный исходъ и что незримая правда сильнѣе торжествующаго зла.

Это была иллюзія!—скажутъ намъ.—Можетъ быть. Но вѣдь иллюзіей часто называется не только то, что никакъ не могло сбыться, но также и то, что просто не сбылось и что на самомъ дѣлѣ было и близко, и возможно. Пусть

это была иллюзія, но отчего же послѣ смерти его всѣ почувствовали, что въ русской жизни что-то оборвалось и ушло безвозвратно, что какая-то лучшая возможность стала невысказанной, что у сторонниковъ мира „вырвано знамя изъ рукъ“. Пусть это была иллюзія, но летописецъ нашихъ дней долженъ записать на страницы исторіи, что во время русской революціи съ именемъ Сергѣя Трубецкаго связана была вѣра русскаго народа въ превосходящую силу правды и въ возможность общаго примиренія.

И въ этомъ, какъ мнѣ кажется, заключается единственное и исключительное значеніе его въ пережитый моментъ русской исторіи. Многіе выступали на поприще общественной борьбы съ большими практическими знаніями, съ большимъ умѣньемъ къ организаціи общественныхъ силъ, но лишь онъ одинъ не только самъ вѣрилъ, но и другихъ заставлялъ вѣрить въ торжество нравственныхъ началъ надъ всѣми противоборствующими стихіями,—надъ косной силой исторіи, надъ безумной близорукостью господствующихъ и надъ грознымъ ожесточеніемъ обездоленныхъ и подвластныхъ. Въ этомъ проявлялось нравственное вліяніе личности, таящей въ глубинѣ своей начала примиряющей правды и подчиняющей высшему единству сумятицу разрозненныхъ мнѣній и страстей. Онъ былъ живымъ воплощеніемъ высшей гармоніи, предъ обаяніемъ которой смирялись противорѣчія и различія, съ перваго взгляда непримиримыя и враждебныя другъ другу. И потому взоры всѣхъ обращались къ нему, когда спасенія можно было ожидать лишь отъ чудеснаго дѣйствія личности, неотразимо вліяющей на окружающихъ. Его вліяніе создавало вокругъ него атмосферу какой-то бодрой увѣренности и нравственной стойкости. И когда объ немъ узнала Россія,⁸⁹ около имени его быстро выросла слава народнаго вождя, призваннаго къ тому, чтобы силою своего убѣжденія убѣдить всѣхъ другихъ въ необходимости вывести Россію на новый путь. Всѣ знали, что этотъ новый путь онъ представлялъ себѣ въ видѣ рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ, въ видѣ смѣлаго

движенія впередъ къ равенству и свободѣ. Всѣ были убѣждены, что онъ найдетъ примиреніе не въ покорной уступчивости, а въ настойчивой твердости, что его голосъ будетъ не за случайныя полумѣры, а за полное удовлетвореніе разумныхъ требованій момента. Всѣ знали, какъ мечталь онъ о томъ времени, когда всѣ, кто живетъ въ Россіи, будутъ чувствовать себя сынами Россіи, будутъ любить ее такъ же, какъ мы ее любимъ, когда не будетъ у насъ безправныхъ и обездоленныхъ.

Передъ смертію, впадая въ забытіе и отрѣшаясь отъ этого міра заботъ и печалей, онъ не забылъ, однако, главной своей заботы и, какъ говорятъ, высказалъ еще разъ свою завѣтную надежду: „да, они будутъ довольны, они успокоятся“. Съ трогательной заботой о беспокоящихся и недовольныхъ умиралъ этотъ поборникъ правды и свободы, отдавшій жизнь свою во исполненіе своей лучшей мечты. Онъ умеръ ходатаемъ за обездоленныхъ и безправныхъ, въ то время какъ выросъ до значенія крупной исторической личности, когда казалось, что примирительная миссія его только что начиналась...

Вотъ почему вѣсть о его смерти заставила содрогнуться всю Россію, вотъ почему надъ гробомъ его плакали всѣ, кто принадлежитъ къ Россіи, безъ различія національностей и партій, сословій и состояній. Здѣсь, у гроба его, забыты были всѣ разногласія, и, мертвый, онъ еще разъ совершилъ то дѣло общаго примиренія, которому служилъ живой.

Добрый геній, свѣтлый посланникъ мира! Ты можешь мирно покоиться на лонѣ вѣчности; ты, который другихъ умѣлъ приобщать вѣчности и заставлялъ вѣрить въ чудеса вѣры и любви!

П. Новгородцевъ.

Памяти дорогого товарища кн. С. Н. Трубецкого.

Я сравнительно недолго был знакомъ съ покойнымъ Сергѣемъ Николаевичемъ и не принадлежалъ къ числу его личныхъ и близкихъ друзей. Мои отношенія съ нимъ сложились исключительно на почвѣ совмѣстной академической дѣятельности. Судьба свела насъ на этомъ поприщѣ въ мрачную для русскихъ университетовъ эпоху, когда съ неумолимой послѣдовательностью стали ярко обнаруживаться грозные признаки того внутренняго разложенія, до котораго довела русскую высшую школу слѣпая политика бюрократической Россіи. Всѣмъ, кому дороги были интересы университета, кто не вполне утратилъ душу живую въ затхлой атмосферѣ загнаннаго бюрократіей университета, пришлось напрямъ послѣдніе остатки силъ, чтобы встать на защиту интересовъ свободы и знанія. Та апатія, въ которую послѣ разгрома университетовъ въ 80-хъ годахъ погрузились на почвѣ широкой общественной реакціи и русскіе профессорскіе круги, становилась уже преступнымъ бездѣйствіемъ. Грозныя событія въ академическихъ сферахъ привели въ броженіе университетскіе совѣты. На почвѣ этого пробужденія быстро стали вырисовываться будущіе дѣятели обновленнаго университета. Среди этихъ лицъ не замедлил занять одно изъ первыхъ мѣстъ князь Сергѣй Николаевичъ. Недолго пришлось намъ поработать съ нимъ; смерть унесла его изъ нашихъ рядовъ въ тотъ именно моментъ, когда надъ всей Россіей, не исключая и ея многострадалныхъ университетовъ, только что начала заниматься

заря новой жизни. Судьба не дала ему возможности участвовать въ дальнѣйшихъ стадіяхъ борьбы за политическую и академическую свободу. Но и тѣхъ немногихъ лѣтъ, когда мы работали вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ, достаточно было, чтобы мы его оцѣнили и полюбили. Конечно, память о его свѣтлой личности никогда не изгладится у тѣхъ профессоровъ, которые были членами университетской семьи въ періодъ времени первыхъ пяти лѣтъ XX столѣтія.

Больше всего, на мой взглядъ, подкупалъ въ пользу Сергѣя Николаевича весь его нравственный обликъ, говорившій сразу о необыкновенной искренности и чистотѣ его натуры. Достаточно было немного поговорить съ покойнымъ, чтобы собесѣдникъ почувствовалъ, что въ этомъ человѣкѣ нѣтъ никакого лукавства. Князя Трубецкаго иногда упрекали въ аристократизмъ; мнѣ самому приходилось слышать такія обвинения по его адресу. Но я не могу съ этимъ согласиться. Аристократизмъ Сергѣя Николаевича не былъ сословнымъ или кастовымъ аристократизмомъ. Это былъ аристократизмъ чувства и мысли. Онъ, дѣйствительно, съ нескрываемымъ несочувствіемъ относился ко всему, что казалось ему низменнымъ и мелочнымъ. Подобныя проявленія человѣческихъ слабостей всегда давали обильную пищу его неистощимому юмору. Безъ озлобленія, но очень мѣтко и въ безпощадно смѣшномъ видѣ изображалъ онъ людей, за которыми замѣчалъ подобныя свойства. Но я никогда не замѣчалъ въ немъ и слѣдовъ сословнаго высокомерія. Если его манеры казались иногда слишкомъ сдержанными, то причиной этому была отчасти его застѣнчивость, свойство, которымъ нерѣдко отличаются люди съ такой дѣтски чистой душой, какой былъ надѣленъ Сергѣй Николаевичъ, отчасти же его воспитаніе, конечно, не во всемъ соответствующее нравамъ и привычкамъ той весьма разнообразной по составу и происхожденію общественной среды, въ которой привелось ему дѣйствовать.

Чего мнѣ никогда не случалось замѣчать въ Сергѣѣ Ни-